

УДК 82.091

DOI: 10.17223/1998863X/33/4

А.Н. Губайдуллина

РОЛЬ ОТЦА В СОВРЕМЕННОЙ ДЕТСКОЙ ПРОЗЕ

Образ отца в литературе для детей отражает концепцию родительства, актуальную в обществе на данный момент. Рассматривается содержательное изменение данного образа в литературе второй половины XX – начала XXI в. на материале двух циклов рассказов: «Как папа был маленький» А. Раскина и «Я воспитываю папу» М. Барановского.

Ключевые слова: образ отца, отцы и дети, современная детская литература, дидактизм.

В книге «Мужчина в меняющемся мире» Игорь Кон опровергает словесную формулу «кризис отцовства» как явление, присущее только современности, не только потому, что эта проблема поднималась в истории многократно, но и потому, что словосочетание слишком обобщено. Кризис отцовства, по его мнению, можно понимать, как минимум, в трёх контекстах: как отражение кризиса семьи; как аспект кризиса маскулинности («ослабление привычной мужской гегемонии и связанное с этим изменение традиционных представлений о мужественности» [1. С. 305]) и как частное проявление кризиса власти.

В любом случае, изменение представлений об отцовстве неизбежно отражается в культуре, средствах массовой информации, литературе, в том числе детской, для которой конфликт отцов и детей является одним из ключевых. Чтобы провести исследование трансформации образа отца в детской литературе последних десятилетий, имеет смысл сравнить две книги рассказов: Александр Раскин «Как папа был маленький» (1961) и Михаил Барановский «Я воспитываю папу» (2013). Обе книги представляют собой цикл небольших историй. Оба сборника стали успешными «проектами» для авторов и получили продолжение: «Как маленький папа учился в школе» (А. Раскин, 1963), «Я воспитываю папу-2, или Собачий вальс» (М. Барановский, 2014).

Сравнивать книги, написанные с разницей в полвека, позволяют не только названия, прямо отсылающие к теме отцовства, не только то, что обе книги написаны мужчинами, осмысляющими опыт собственного общения с ребёнком, но и наличие этической позиции, достаточно явно выраженной в текстах. Однако картина отношений отца и сына в книгах Раскина и Барановского принципиально разная.

Книга, написанная в 1960-е гг., представляет собой воспоминания о времени, когда отец-рассказчик сам был ребёнком (соответственно, он везде назван «маленьким папой», а его отец – «дедушкой»). Выстраивается модель повторяющегося отцовства: ваше поколение будет развиваться так же, как когда-то наше. Книга имеет отчётливую интонацию прямой дидактики, заявленную уже в авторском предисловии: «У меня есть дочка Саша. <...> И я читал ей разные книги или рассказывал смешные истории. <...> Ей понравилось, что папа тоже был маленьким, тоже шалил и не слушался и его

тоже наказывали. <...> Я выбирал истории посмешнее: ведь нужно было развеселить больную девочку. И ещё я старался, чтобы моя дочка поняла, как нехорошо быть жадным, хвастунишкой, зазнайкой» [2. С. 5]. Характерна тема наказания, возникающая раньше основного сюжетного повествования. Ребёнок в книге Раскина – это тот, кто нарушает общепринятую норму поведения (обозначения проступков вынесены в названия многих глав: «бросил мяч под автомобиль»; «укусил профессора»; «обижался»; «бросил хлеб»; «ошибся»). Соответственно, взрослый – тот, кто восстанавливает норму и определяет наказание нарушителю. Отец обладает наиболее жесткой позицией и полномочиями власти: в большинстве глав он наказывает сына, в трёх главах из тринадцати применяет телесное наказание. «Немного погодя маленький папа опять зажигал свет и доставал другую книгу, такую же интересную. Входил дедушка, отнимал книгу, гасил свет и в темноте долго шлёпал маленького папу» [2. С. 18]. Отец применяет разные типы наказания: вербальное, эмоциональное давление, физическое, лишение привилегий... Он наказывает сына не только за пороки (жадность, неаккуратность, трусость), но и за чрезмерные детские увлечения (любовь к чтению). Именно отец определяет образ жизни ребёнка:

«– Сейчас он не хочет учиться музыке. Потом он не пожелает учиться в школе. Потом не захочет работать. Таких лентяев надо с детства приучать к труду! Ты у меня будешь играть на рояле!» [2. С. 36].

Интересно, что чем более близкими родственными отношениями связаны между собой герои, тем сильнее их эмоциональная отстраненность друг от друга. Так, родители всегда солидарны в своей реакции на поступок сына, при этом каждый из них выступает в роли карающего:

«Когда папа прибежал домой и сказал, что сам бросил свой чудный новый мяч под машину, его сразу же отшлёпала бабушка. Вечером пришёл с работы дедушка и тоже отшлёпал его» [2. С. 10].

Или: «Тогда дедушка сказал:

– Я его накажу!

И бабушка прибавила:

– А я накажу его отдельно!» [2. С. 36].

В то же время персонажи, не имеющие прямого родства с ребенком, оказываются эмоционально более близкими ему. Так, в книге не описано ни одной беседы отца и сына; обсуждать что-либо маленькому герою приходится вне своей семьи. В первом рассказе «один дядя» не смеется над мальчиком, а объясняет его ошибку [2. С. 12]; беседа о том, кем стать, происходит на улице с «незнакомым военным» [2. С. 32]; а от занятий фортепиано малыша «спасает» учительница музыки [2. С. 37]. Между отцом и сыном нет доверительных отношений, отец постоянно подозревает мальчика в сознательном нарушении дисциплины. В рассказе «Как папа ошибся», когда ребенок вместо воды случайно выпивает налитой в графин водки, отец воспринимает сына не как жертву ситуации, а как виновника:

«Маленький папа кашлял, задыхался, во рту у него всё горело. Ему было совсем плохо, и никто не мог понять, что случилось.

– Он заболел! – кричала бабушка.

– Он притворяется! – кричал дедушка.

<...> Узнав про водку, все опять закричали.

- Доктора! – кричала бабушка.
- Выпорю! – кричал дедушка» [2. С. 47].

Итак, в книге Александра Раскина отца и сына можно рассматривать как антагонистов. Семья представляет собой вариант жесткой иерархической структуры, имеющей вертикаль власти, доминирующие фигуры (родителей) и подчинённые (детей). Автор не сомневается в возможности и необходимости дидактики, и основная задача родителей – воспитательная.

Книга рассказов начала XXI в. предлагает иной взгляд на отцовство.

Повествование ведется от лица школьника младших классов Марика, и портрет отца дан в рефлексии и восприятии сына. Благодаря этому образ отца лишается идеальной завершенности. Взрослый так же, как и ребенок, несовершенен. У отца есть недостатки (он часто не понимает своих желаний, иногда ленится, не оплачивает вовремя коммунальные счета, может чего-то не знать...). Ребёнок способен посетовать на отцовское несовершенство:

- «– Блин! – орёт папа.
- «Блин» – у тебя слово-паразит! – говорю ему.
- Да? – удивляется.
- Да. У тебя вообще куча слов-паразитов. Больше, чем у меня, в миллион раз.
- Например? – интересуется и потирает руки, как муха.
- Например, <...> «убери!»
- Потому что ты всё время что-то разбрасываешь.

Я поворачиваюсь и ухожу, потому что окончательно теряю интерес к этому дурацкому разговору» [3. С. 128].

Отец, так же, как и в книге Раскина, пытается выбрать ребёнку хобби (в частности, отправить его в музыкальную школу) и определять его образ жизни, но уже не может сделать этого без обсуждения с сыном:

- «– Барабаны, – ответил я, практически не раздумывая.
- От барабанов будет тошнить меня и соседей, – заявил папа.
- Тогда пианино, – сказал я без особого восторга, лишь бы только побыстрее закончить этот неприятный разговор.
- Пианино очень большое, – вздохнул он. – Нам некуда его ставить.
- Если ты не собираешься прислушиваться к моему мнению, – ответил я, – зачем тогда вообще спрашивать?» [3. С. 31].

Основной формой взаимодействия отца и сына является диалог. При этом во многих случаях важен не результат разговора (изменить позицию оппонента), а его процесс, возможность со-присутствия. Именно поэтому отец и сын могут позволить себе разговаривать ни о чём, бездельничать, как в главе «Тишина» [3. С. 54], поскольку бездействие для них есть форма совместного времяпровождения, которое становится главной альтернативой воспитанию.

Равенство позиций отца и сына выражается как в подчеркнутом инфантилизме первого (отец может шутить, дурачиться, фантазировать, играть на компьютере), так и в стремительном взрослении второго. Ребёнок самостоятельно принимает решения, в некоторых случаях отвечает за отца (планирует совместное будущее). Диалог взрослого и ребенка обогащается терминологией, сложными речевыми конструкциями:

- «– (Левитировать) Это как?
- С помощью трансцендентальной медитации.

– С помощью чего?

– Видишь ли, Марик, ряд исследователей полагает, что левитация – следствие возникновения биогравитационного поля, которое вырабатывается психической энергией, излучаемой мозгом. Ты, конечно, можешь спросить меня, является ли эта энергия электромагнитной по своей природе?

– Нет, – говорю искренне, – не могу» [3. С. 23].

Интеллектуальный и этический паритет при многообразии форм поведения препятствует конфликту «отцов» и «детей»: старшее поколение утрачивает авторитарность, а младшее – категоричность высказывания. Отец больше не может настоять на единственной правильности своей позиции. Демократическая модель воспитания превращает взрослых и маленьких в коллег по общежитию, партнеров по дискуссии. Противостояние позиций уступает место присоединению сторон друг к другу. Пропагандируется концепция совместного действия.

В современной литературе есть интересный парадокс. С одной стороны, присутствие отца в семье перестаёт быть обязательным. В книге Барановского описана семья в разводе, отец проводит с сыном время отдельно от матери. «Факультативность» отца описана во многих произведениях современной детской прозы (М. Бородинская, Н. Тумашкова «Телефонные сказки Маринды и Миранды»; Н. Абгарян «Семен Андреич: летопись в каракулях» и других):

«Слова “рудименты и атавизмы” Наташка произносила громко и отчетливо и не уставала объяснять их значение. Рудименты и атавизмы – это органы. Они требовались человеку, когда он был животным. А потом, в ходе эволюции, человек этими органами пользоваться перестал, и они за ненадобностью стали исчезать. <...> Наташка с жестким удовольствием заносила в этот ряд еще и пап, хотя, на мой взгляд, их нельзя было без оговорок приравнять к аппендиксу. Но она изо всех сил пыталась донести до моего сознания суть последних научных достижений: дети появляются на свет вовсе не по причине наличия папы, а из-за того, что сперматозоид сливается с яйцеклеткой. <...> По ее словам получалось, что главное – вовремя отловить этих головастика и поместить в надежное место, в пробирку. А потом можно распоряжаться ими по своему усмотрению. И не нужно никаких пап. Никаких дурацких свадеб, которые пожирают огромные деньги, никакой стирки вонючих носков, всех этих ужасных и унижительных усилий, которые все равно кончаются разводом» [4. С. 8].

Отец может быть не родным, исчезать из семьи временно – и возвращаться (см., например, рассказ М. Москвиной «Наш мокрый Иван» [5. С. 15]). С другой стороны, образ отца больше не ограничен функциями кормильца и дисциплинатора семьи. Его роль сближается с материнской в эмпатии к ребенку, в умении обеспечивать бытовой и бытийный комфорт. В книге «Я воспитываю папу» отец ухаживает за ребенком, укладывает его спать, хорошо готовит не только основные блюда, но и угощение – «творожную запеканку с изюмом» [3. С. 16]. Он интуитивно понимает сына. Отец с сыном признаются друг другу в любви, отец нежен и ласков с Мариком. Можно согласиться с психологом Екатериной Асоновой в том, что «многие современные родители видят цель своего взаимодействия с детьми не в достижении чего-либо в будущем, а в совершенствовании самого процесса взаимодействия в настоящем». «Подобную позицию можно оценить как ответную реакцию родителей на процесс “деавтономизации детства”, начавшийся в 1990-е,

который они воспринимают как проблему, требующую выработки нового модуса отношений с ребенком» [6. С. 86]. Главное требование современной детской прозы заключается в сохранении любви как единственно возможным опосредованном методе влияния как на родителей, так и на детей.

Литература

1. Кон И. Мужчина в меняющемся мире. М.: Время, 2009. 496 с.
2. Раскин А. Как папа был маленьким. М.: Махаон, 2015. 176 с.
3. Барановский М. Я воспитываю папу. М.: Клевер-Медиа-Групп, 2013. 192 с.
4. Аромитам М. Когда отдыхают ангелы. М.: ИД КомпасГид, 2013. 208 с.
5. Москвина М. Моя собака любит джаз. М.: Олимпиконик, 1997. 98 с.
6. Асонова Е. Новые ценности в детско-родительских отношениях / Pro et contra. 2010. Январь – апрель. С. 78–93.

Gubaydullina Anastasia N. National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation)

E-mail: gubgub@ngs.ru

DOI: 10.17223/1998863X/33/4

THE IMAGE OF THE FATHER IN CONTEMPORARY PROSE FOR CHILDREN.

Keywords: image of the father, parents and children, contemporary literature for children, didacticism.

Psychologists and sociologists realize expression “crisis of fatherhood”, at least in three aspects. At first, this is one of the manifestations of the crisis of family. Secondly, it is the weakening of the male hegemony. Finally, it is violation of the hierarchy of power in general.

Transformation of ideas about fatherhood inevitably reflected in the culture, in media, in literature. The conflict between fathers and sons is one of the main themes in the prose for children. In this article with the methods of comparative research, the author explores idea of changing the image of father in the texts for children of the second half of the XX and early twenty-first centuries. Two books of stories, which presented in the article: “As Dad was a kid” of Alexander Raskin (1961); “I bring up Dad” of Mikhail Baranovskiy (2013).

As seen, in the book of Alexander Raskin, father and son are antagonists. The family represents a variant of rigid hierarchical structure, which has vertical of power, the dominant figures (parents) and subordinates (children). The author does not doubt of the possibility and necessity of didactics, and the main task of parents is to educate.

Contemporary book of stories offers considered the father's role in other way. The main form of interaction between father and son is the dialogue. In many cases, result of a conversation is not crucial, the process of talks is very important as the possibility of co-presence. The parties do not attempt to change the point of view of each other. That is why the father and son can afford to talk about anything and to laze. For them to laze is a form of joint action, which is becoming the main alternative to education.

Family roles of parents and children are equal. Father can make jokes; fool around, to dream, to play on the computer. The child takes his own decisions; in some cases, he is responsible for his father. Father cannot insist on the correctness of only his position.

The democratic model of education transforms children and adults in the colleagues, partners in discussion. Confrontation gives way to the unity of the parties. The main requirement of the modern children's prose is to maintain love as the only method of influence on parents and children.

References

1. Kon, I. (2009) *Muzhchina v menyayushchemsya mire* [Man in a changing world]. Moscow: Vremya.
2. Raskin, A. (2015) *Kak papa byl malen'kim* [When Dad was a kid]. Moscow: Makhaon.
3. Baranovskiy, M. (2013) *Ya vospityvayu papu* [I am bringing up my dad]. Moscow: Klever-Media-Grupp.
4. Aromstam, M. (2013) *Kogda otdykhayut angely* [When angels are having rest]. Moscow: KompasGid.
5. Moskvina, M. (1997) *Moya sobaka lyubit dzhaz* [My dog loves jazz]. Moscow: Olimpionik.
6. Asonova, E. (2010) *Novye tsennosti v detsko-roditel'skikh otnosheniyakh* [New values in the parent-child relationship]. Pro et contra. January-April. pp. 78–93.